

Международное право и международные организации / International Law and International Organizations
Правильная ссылка на статью:

Поярков С.Ю., Гончаров В.В. «*Jus cogens*» и конституционное право: трансформация иерархии норм и институтов в условиях глобального правопорядка // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. 2025. № 3. С. 195-215. DOI: 10.7256/2454-0633.2025.3.75068 EDN: KSZPSU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75068

«*Jus cogens*» и конституционное право: трансформация иерархии норм и институтов в условиях глобального правопорядка

Поярков Сергей Юрьевич

кандидат педагогических наук

Ученый секретарь; ФГУП "Всероссийский научно-исследовательский институт физико-технических и радиотехнических измерений"

140570, Россия, Московская область, пгт. Менделеево, промзона ВНИИФТРИ, 11

✉ psu70@bk.ru

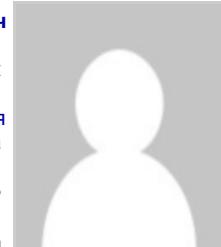
Гончаров Виталий Викторович

кандидат юридических наук

Директор, Научно-исследовательского института проблем глобализации, экономики и развития гражданского общества

350000, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Гаражная, 93

✉ niipgergo2009@mail.ru

[Статья из рубрики "Международные организации, международное право и внутригосударственное право"](#)

DOI:

10.7256/2454-0633.2025.3.75068

EDN:

KSZPSU

Дата направления статьи в редакцию:

04-07-2025

Дата публикации:

08-10-2025

Аннотация: Современное конституционное право сталкивается с необходимостью

переосмысления традиционной иерархии норм в условиях транснационализации правового регулирования. Ведущим вызовом классической модели правопорядка становится интеграция норм *jus cogens* – императивных норм международного права, обладающих высшей юридической силой и универсальной обязательностью. Эти нормы начинают выполнять роль своеобразного трансцендентного критерия, воздействующего на пределы допустимости как законодательства, так и конституционных преобразований. Особенно остро эта проблема встаёт в странах с формализованной доктриной верховенства конституции, где *jus cogens* начинают конкурировать с основополагающими национальными нормами. Обращение к ним в практике конституционных судов и международных инстанций демонстрирует сдвиг от вертикально-суверенной к аксиологически ориентированной модели права. Примеры Германии, Италии, Франции и Колумбии свидетельствуют о становлении более гибких, поликентрических правовых конструкций, в которых *jus cogens* интерпретируются как составная часть конституционного порядка. Предметом исследования становится трансформация иерархии правовых норм и институтов под влиянием *jus cogens* в условиях формирующегося глобального правопорядка. Методологическая база исследования включает юридическую герменевтику, аксиологический анализ и сравнительно-правовой подход. Эти методы позволяют выявить, как изменяется структура и логика конституционного регулирования в контексте взаимодействия национального и международного права. Научная новизна исследования заключается в интерпретации *jus cogens* не только как международной категории, но и как аксиологического предела национального правотворчества. В условиях эрозии классической нормативной пирамиды наблюдается формирование постиерархичной модели, в которой *jus cogens* становятся нормативным ориентиром, не вписывающимся в прежние рамки суверенитета. Это требует не отказа от национального конституционализма, а его концептуального обновления. Выводы исследования ориентированы на развитие идеи правового диалога между различными уровнями нормативности, включая возможность квазиконституционного сосуществования *jus cogens* и национальных основ. Установлено, что в ряде правовых систем уже реализуются модели, допускающие такую координацию. Предлагаемая концепция может быть положена в основу дальнейших доктринальных и институциональных преобразований. Статья вносит вклад в формирование новой онтологии глобального конституционализма.

Ключевые слова:

jus cogens, императивные нормы, конституционное право, иерархия норм, транснационализация, правовой суверенитет, аксиология права, правовая онтология, глобальный правопорядок, международное публичное право

Введение

Современное развитие правовых систем всё чаще оказывается на пересечении двух нормативных реальностей – внутренней и международной, взаимодействие которых уже не может быть охарактеризовано как одностороннее или иерархически упорядоченное в традиционном национал-центристском понимании. В условиях ускоренной глобализации, транснациональной правовой интеграции и расширения компетенций международных судебных и квазисудебных органов особое внимание привлекает феномен «*jus cogens*» – императивных норм международного права, обладающих высшей юридической

обязательностью и универсальной применимостью. Эти нормы, исходя из положений ст. 53 и 64 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года, признаются недопустимыми к отступлению и не могут быть отменены соглашением сторон, что придаёт им квазиконституционный статус в международном правопорядке.

Однако в XXI веке обсуждение «*jus cogens*» всё чаще выходит за пределы классического международно-правового дискурса, становясь предметом внимания и национальных конституционных судов, и правоведов, специализирующихся на публичном праве. Причина этого интереса кроется не только в растущем числе дел, в которых внутренние суды, в том числе конституционные, апеллируют к нормам «*jus cogens*» (например, в делах, касающихся запрещения пыток, рабства, преступлений против человечности), но и в более общем сдвиге в правовом мышлении: от замкнутого, суверенно-иерархического к открытому, взаимосвязанному и аксиологически ориентированному правопорядку. Особенно ярко это проявляется в европейской правовой традиции, где, начиная с рубежа XX–XXI веков, национальные суды всё чаще признают приоритет определённых международных норм даже перед нормами собственной конституции. Примером может служить решение Конституционного совета Франции по делу № 2004-496 DC, где был признан особый статус «*jus cogens*» в контексте международных обязательств Франции.

В этом контексте становится очевидной необходимость правового осмысления природы «*jus cogens*» с точки зрения не только международного, но и конституционного права. Если «*jus cogens*» действительно представляет собой универсальные императивы, пронизывающие весь правопорядок, то возникает вопрос о пределах национального правотворчества и судебного усмотрения: может ли конституция, выражающая суверенную волю народа, вступать в противоречие с нормами, носящими универсальный характер? Или же, напротив, «*jus cogens*» — это лишь внешняя проекция универсалистской догмы, навязываемая суверенитету в логике глобального правового неоколониализма, как утверждают некоторые критики, в частности, M. Koskenniemi [1]? Эти вопросы нельзя свести к простой юридической технике — они затрагивают основы современной правовой онтологии и требуют обращения к аксиологическим, институциональным и сравнительно-правовым методам.

Исследование также предполагает анализ направлений трансформации иерархии правовых норм и институтов, вызванной признанием «*jus cogens*» в национальных правопорядках. Уже в настоящее время можно наблюдать сдвиг от классической вертикали, в которой конституция стояла на вершине нормативной пирамиды, к более сложным, гибридным и полицентричным моделям. Так, в доктринальной и судебной практике Германии и Австрии фиксируются попытки рассматривать «*jus cogens*» как компонент конституционного порядка в его материальном измерении — как совокупность фундаментальных ценностей, лежащих в основе не только международного, но и национального права [2]. В российской научной литературе эта проблема получает всё большее внимание, особенно в контексте соотношения Конституции РФ с международными обязательствами в свете изменений, внесённых в Основной закон в 2020 году [3, 4].

Методологически данное исследование основывается на синтезе юридической герменевтики, позволяющей интерпретировать тексты конституций и международных актов в их историко-культурном контексте; сравнительно-правового анализа, дающего возможность выявить общие и отличительные черты включения «*jus cogens*» в национальные правопорядки; а также аксиологического подхода, предполагающего

рассмотрение правовых норм не только как формально-юридических предписаний, но и как выражения базовых ценностей правового сообщества. Институциональный подход, в свою очередь, позволяет оценить, каким образом взаимодействуют органы конституционного контроля, законодательные власти и международные судебные инстанции при разрешении коллизий между внутренними и международными нормами.

Научная новизна исследования заключается в попытке переосмысления традиционного представления об иерархии правовых норм и институтов через призму «*jus cogens*» как аксиологического маркера глобального правопорядка. В отличие от классической модели, в которой конституция выступает в роли нормативной вершины, подчиняющей все иные акты, современные реалии указывают на появление новой структуры — диффузной, плюралистичной и, возможно, постиерархичной, где «*jus cogens*» выполняет функцию предельного критерия легитимности и допустимости, в том числе и для самой конституции. Это не означает отмену национального суверенитета, но требует его новой интерпретации в условиях глобального нормативного взаимопереплетения. Возникает вопрос о возможности правового синтеза, при котором «*jus cogens*» и национальная конституция будут сосуществовать не в режиме подчинения или соподчинения, а в логике диалога, взаимного признания и обогащения правового содержания. Это направление, ещё недостаточно исследованное в правоведении, представляется исключительно перспективным для дальнейшей разработки как в доктринальном, так и в прикладном аспекте.

Юридическая природа «*jus cogens*»: от международного к транснациональному измерению

Понятие «*jus cogens*», прочно закреплённое в международном праве в XX веке, изначально формировалось как реакция на пределы договорной свободы государств, выраженные в наиболее крайних формах — от заключения пактов о ненападении с тоталитарными режимами до оправдания геноцида, колониализма и иных форм системного насилия. Венская конвенция о праве международных договоров 1969 года, в ст. 53 и 64, юридически закрепила доктрину императивных норм общего международного права, признавая за ними статус норм, от которых «не допускается отступление» и которые могут быть изменены только последующей нормой, имеющей такой же характер. С этого момента «*jus cogens*» обрело формальный статус категории, способной отменить международный договор, противоречащий его содержанию, тем самым провозгласив высший уровень нормативного императива, превалирующего над вольным волеизъявлением субъектов международного права. Однако даже в момент своего кодификационного закрепления, понятие «*jus cogens*» оставалось открытым, во многом неопределенным, а потому — глубоко политически и ценностно нагруженным.

Правовая наука не пришла к единому пониманию перечня «*jus cogens*» и методов их определения. Международный суд ООН в деле «*Concerning Barcelona Traction, Light, and Power Company, Ltd*» (1970) лишь обозначил общее направление, указав на «обязанности *erga omnes*» как на обязательства, вытекающие из норм, защищающих фундаментальные ценности международного сообщества. Развитие этой идеи в последующих решениях, включая «*Jurisdictional Immunities of the State*» (Germany v. Italy), вновь продемонстрировало колебания между попыткой юридической конкретизации и сохранением аксиологической неопределенности. Тем не менее, в практической плоскости складывается относительно стабильный консенсус относительно содержания некоторых норм «*jus cogens*» — это, прежде всего, запрет агрессии, пыток, рабства, геноцида, преступлений против человечности, пиратства и апартеида. Но даже в рамках этого ядра ведутся дискуссии: так, некоторые исследователи, включая М.М.

Venkatachalam [5], предлагают рассматривать в качестве «*jus cogens*» также запрет расовой дискриминации и право на самоопределение. Тогда как иные как, например, R. Sellers [6], склонны ограничивать перечень лишь нормами, обладающими абсолютной универсальностью и недопустимостью оговорок.

Ключевая характеристика «*jus cogens*» — их императивность, не допускающая отступлений ни при каких условиях, даже по взаимному согласию сторон. Это радикально отличает их от всех прочих норм международного права, основанных на принципе «*pacta sunt servanda*» и предполагающих свободу воли государств. В сущности, «*jus cogens*» реализует идею надгосударственного морального и правового ядра, существующего независимо от признания со стороны конкретного субъекта. Это придаёт им характер своеобразной «нормативной совести» международного сообщества, причём вне зависимости от того, насколько разрозненным или поляризованным является реальное сообщество государств. Здесь возникает значимое противопоставление: с одной стороны, «*jus cogens*» выступает как средство универсализации правовых ценностей; с другой — как источник напряжённости в условиях плюралистичного и фрагментированного мирового правопорядка, где универсализм сам по себе становится объектом спора.

Однако в XXI веке как концепт «*jus cogens*» всё более уверенно выходит за пределы международно-договорного контекста, принимая форму компонента транснационального правового порядка. В отличие от классического международного права, сосредоточенного на отношениях между государствами, транснациональное право охватывает также взаимодействие между государствами, частными субъектами и международными организациями, часто в формах, не укладывающихся в традиционную модель горизонтальной координации суверенов. Именно в этой парадигме «*jus cogens*» начинает функционировать как регулятор не только международных договоров, но и внутренней нормативной и судебной практики. Так, в решениях национальных судов можно наблюдать прямые ссылки на «*jus cogens*» как на критерий оценки конституционных и подзаконных норм. В частности, в ряде решений Федерального конституционного суда Германии «*jus cogens*» рассматривается как внеисторическая и внеправовая граница позитивного права, нарушение которой влечёт утрату легитимности норм внутреннего права.

Феномен транснационализации «*jus cogens*» особенно отчётливо проявляется в контексте глобализации прав человека и усиления трансграничной судебной кооперации. Европейский суд по правам человека в ряде дел, таких как «Al-Adsani v. United Kingdom» и «Ould Dah v. France», ссыпался на «*jus cogens*» как источник, имеющий приоритет даже над принципами государственного иммунитета. Это свидетельствует о становлении новой логики нормативной иерархии, при которой «*jus cogens*» играет роль своеобразной «высшей границы допустимого», охватывающей как международные, так и внутригосударственные нормы. В то же время критики, такие как J. d'Aspremont и E. de Brabandere указывают на то, что транснационализация «*jus cogens*» чревата подменой демократического волеизъявления нормативной диктатурой неопределённых универсалий [7], нередко интерпретируемых в интересах доминирующих политических центров.

Нельзя игнорировать и внутреннее измерение транснационального действия «*jus cogens*», которое проявляется в нарастающем давлении на национальные конституционные системы. Признается, что попытка встроить «*jus cogens*» в рамки национального публичного права неизбежно вызывает напряжение между принципами

народного суверенитета и универсалистской правовой доктриной [\[8\]](#). Особенно остро эта проблема встаёт в государствах, где существует выраженное стремление к сохранению конституционного суверенитета (например, поправки 2020 года в Конституцию РФ, введшие положение о приоритете Конституции над международными актами, вступающими в противоречие с ней). В этих условиях «*jus cogens*» либо становится инструментом правового диалога, предполагающего взаимную коррекцию и обогащение, либо источником конфликта, подрывающего внутреннюю нормативную автономию. Институциональные последствия этого сдвига пока не получили исчерпывающего анализа, но уже сегодня можно говорить о постепенном формировании новой архитектуры правового регулирования, в которой «*jus cogens*» перестаёт быть исключительно внешним ориентиром и становится частью внутреннего правового порядка.

Таким образом, юридическая природа «*jus cogens*» трансформируется: от кодифицированной нормы международного договорного права к элементу глобальной правовой инфраструктуры, обладающему не только вертикальной обязательностью, но и горизонтальной нормативной притягательностью. В этом контексте становится актуальным вопрос о степени и формах включения «*jus cogens*» в национальные правовые системы — через доктринальную рецепцию, судебную практику или конституционные интерпретации.

"Jus cogens" как фактор трансформации иерархии правовых норм в национальных правопорядках

В рамках классической правовой доктрины иерархия нормативных актов в национальных правопорядках традиционно выстраивается по восходящей логике от Конституции как высшего закона до подзаконных актов, административных инструкций и локальных регламентов. Такая модель, унаследованная от нормативистской школы Г. Кельзена [\[9\]](#) и институционализированная в большинстве европейских правопорядков, предполагает внутреннюю автономность национального права, в которой международные нормы, включая договорные обязательства, интегрируются в правовую систему исключительно на условиях, предусмотренных самой Конституцией. Суверенитет в данном контексте выступает не столько политической категорией, сколько юридическим постулатом: высшая юридическая сила принадлежит Конституции, и ни одна внешняя норма не может быть признана обязательной, минуя её фильтр легитимации.

Однако с развитием международного публичного права, особенно в сфере прав человека и гуманитарных стандартов, эта вертикальная структура стала испытывать давление со стороны норм, не укладывающихся в рамки договорной рецепции, но претендующих на универсальность и императивность. Среди таких норм — «*jus cogens*», чья природа ставит под вопрос допустимость существования в национальном праве даже конституционных положений, противоречащих базовым принципам международной нравственности и правового порядка. В этой связи в юридической теории обозначились две конкурирующие концепции, отражающие различное понимание соотношения между «*jus cogens*» и внутренним правом: концепция конституционалистского приоритета и доктрина юридического плюрализма.

Сторонники первого подхода утверждают, что «*jus cogens*» может быть учтено и реализовано в национальном правопорядке исключительно в границах, очерченных Конституцией, как выражение высшей воли суверена, устанавливает юридические рамки для имплементации любых внешних источников, включая нормы международного права. Этот подход представлен в решениях Конституционного Суда

Российской Федерации, в которых подчёркивается, что международные обязательства, в том числе вытекающие из «*jus cogens*», не могут реализовываться вопреки основополагающим конституционным принципам (Постановление КС РФ от 14 июля 2015 года №21-П; Определение Конституционного Суда РФ от 16.01.2018 № 12-О). Подобная позиция корреспондирует с понятием «конституционного фильтра», сквозь который должны проходить любые нормы внешнего происхождения — будь то решения ЕСПЧ, резолюции международных организаций или даже универсальные морально-правовые императивы.

В противоположность этому взгляду доктрина юридического плюрализма, активно развиваемая в англосаксонской правовой традиции и международной правовой науке (напр., работы N. Krisch [\[10\]](#), A. Peters и др. [\[11\]](#)), предполагает признание «*jus cogens*» как норм, стоящих выше любых национальных источников, включая Конституции. Согласно данной концепции, «*jus cogens*» не нуждается в интернализации или ратификации: его обязательность возникает «*ex lege*», по факту принадлежности к международному сообществу и признания фундаментальных норм цивилизованного общежития. Практические проявления этого подхода можно увидеть, например, в решении Верховного суда Канады по делу «*Nevsun Resources Ltd. v. Araya*» (2020), где суд признал возможность прямого действия норм «*jus cogens*» в частноправовом споре на территории государства, без необходимости их имплементации в национальное законодательство. Аналогичную логику демонстрирует правоприменительная практика Конституционного Суда ФРГ, особенно в решениях, касающихся запрета экстрадиции в государства, где существует угроза пыток (см. BVerfGE 104, 337 – *Bosphorus*), где суд прямо апеллирует к объективной ценностной системе основного закона, совпадающей с содержанием «*jus cogens*».

Таким образом, судебная практика различных государств и наднациональных структур обнаруживает фундаментальные различия в подходах к иерархии норм. Европейский суд по правам человека, в ряде дел — например, «*Al-Adsani v. United Kingdom*», «*Kalogeropoulos et al. v. Greece*» — исходил из признания «*jus cogens*» как основы международного публичного порядка, способной преодолеть даже иммунитет государств. При этом ЕСПЧ оставлял национальным судам пространство усмотрения в интерпретации механизмов имплементации, что порождает амбивалентную правовую ситуацию: формальное признание верховенства «*jus cogens*» соседствует с институциональной зависимостью от национальных фильтров легитимации.

Существенный практический вопрос возникает в связи с так называемыми конституционными блоками — комплексами норм, обладающих повышенным уровнем устойчивости (например, нормы, не подлежащие пересмотру, или ядро конституционного строя, как в ст. 1–2 Основного закона Германии или в преамбуле и главах 1, 2 Конституции РФ). Если «*jus cogens*» входит в коллизию с такими нормами, может ли конституционное право изолироваться от императивного воздействия глобального правопорядка, или подобная изоляция влечёт утрату легитимности самого конституционного порядка? Некоторые правоведы, в частности, W. Friedmann, указывали, что развитие доктрины «*jus cogens*» и обязательств «*erga omnes*» создало иерархическую систему норм международного и национального права, где нарушение «границы» *jus cogens* разрушает презумпцию правового порядка и предполагает международную ответственность.

Ещё один уровень сложности возникает при рассмотрении конституционных фильтров в условиях институциональной полицентричности: если государственные суды

отказываются признавать приоритет «*jus cogens*», возможно ли прямое действие этих норм через международные и наднациональные механизмы? Прецеденты решений Международного уголовного суда, Международного трибунала по бывшей Югославии, а также использование принципа универсальной юрисдикции (как в деле против А. Пиночета в Великобритании) свидетельствуют о возможности «обхода» национального суверенитета в целях защиты «*jus cogens*». Однако подобная практика вызывает острую критику со стороны государств, ориентированных на сохранение правового и политического суверенитета, поскольку формирует ситуацию, в которой внешний актор может подменить внутреннюю волю, прикрываясь универсальными правовыми ценностями.

В итоге формируется новая, ещё не устоявшаяся модель нормативной иерархии, где «*jus cogens*» выполняет двойственную функцию: с одной стороны — аксиологического маркера легитимности права, с другой — инструмента давления и трансформации внутренней нормативной логики. В одних юрисдикциях наблюдается тенденция к инкорпорации этих норм в систему внутреннего права с приравниванием их к принципам конституционного строя (например, в Испании, Нидерландах, Южной Африке), в других — к конституционному отторжению и заявлению о приоритете национального суверенитета (например, Россия, Венгрия, Польша). Таким образом, вопрос о том, может ли Конституция ограничивать применение «*jus cogens*», остаётся не только юридическим, но и глубоко политико-философским, затрагивающим природу права в условиях глобального нормативного многоуровневого порядка.

Институциональные последствия воздействия «*jus cogens*» на конституционный правопорядок

Воздействие «*jus cogens*» на архитектуру современного конституционного правопорядка не ограничивается сферой абстрактной нормативной теории, но проявляется и на уровне функционирования институтов, призванных обеспечивать стабильность и легитимность системы — прежде всего конституционных судов. Именно они, выступая в качестве хранителей и интерпретаторов основного закона, оказываются в эпицентре противоречия между обязательствами, вытекающими из императивных норм международного права, и положениями собственной конституции, не всегда способной оперативно откликаться на вызовы транснационального правопорядка. Таким образом, перед конституционными юрисдикциями открывается двойственная задача: с одной стороны, защищать суверенитет и системную целостность внутреннего права, с другой — интегрировать в национальную правовую ткань нормы, претендующие на абсолютный характер и превосходящий статус.

Роль конституционного суда в этом процессе приобретает не просто правовое, но цивилизационно-ценостное измерение. Так, в ряде государств именно высшие конституционные инстанции первыми включили в свою доктрину «*jus cogens*» как категорию, обладающую способностью влиять на внутреннюю нормативную иерархию. Например, Конституционный суд Колумбии в решении C-578/2002 по делу о ратификации Римского статута Международного уголовного суда рассматривал «*jus cogens*» как нормативную основу, позволяющую определить допустимость ограничения суверенных функций. Аналогично и Верховный суд Израиля (дело *Public Committee against Torture in Israel v. Government of Israel et al.*, 2006) признавал «*jus cogens*» как универсальные морально-правовые ориентиры, обязующие даже в отсутствии прямого нормативного закрепления в конституции. В обоих случаях суды взяли на себя ответственность за проведение ценностной гармонизации — за согласование духа конституции с универсалиями международного порядка, что предполагает отход от чисто

позитивистской трактовки полномочий.

Однако в более жёстких правовых системах, особенно в государствах, исповедующих концепцию сильного конституционного суверенитета, ситуация складывается диаметрально противоположным образом. Например, Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 14 июля 2015 года № 21-П занял позицию, согласно которой даже приоритет международных договоров ограничен рамками конституционного контроля, а нормы, в том числе «*jus cogens*», не могут применяться, если они противоречат фундаментальным принципам конституционного строя. Эта доктрина «суверенного конституционализма» предельно ясно артикулирует верховенство национального правового основания, включая интерпретацию прав человека, над транснациональными императивами. В определённой степени аналогичную позицию занимает Конституционный суд Польши, в своих решениях 2020 и 2021 годов (К 3/21), поставивший под сомнение обязательность решений Суда ЕС, если те выходят за пределы польской конституции.

Проблема юрисдикционного конфликта между национальными судами и международными правовыми органами, в особенности ЕСПЧ, Международным уголовным судом и Судом ЕС, становится в таких условиях не академической, а институциональной. Прецеденты прямого отказа от исполнения решений международных судов (например, дело «*Ananyev and Others v. Russia*», где ЕСПЧ обязал изменить систему пенитенциарного контроля) демонстрируют, что столкновение «*jus cogens*» и конституции — не только теоретический казус, но и реальность правовой практики. Юрисдикционные коллизии обостряются в тех системах, где международные договоры не обладают прямым действием или где предусмотрены особые механизмы конституционного контроля за ратифицированными соглашениями. Примером является институт предварительного конституционного анализа международных договоров, закреплённый в правопорядке Франции (например, *Conseil Constitutionnel*, решение 98-408 DC), Германии и России, где Конституционный суд вправе заблокировать вступление международного акта в силу, если тот нарушает основной закон.

Для разрешения таких коллизий правовые системы начинают вырабатывать механизмы институциональной адаптации. Один из них — инициирование или проведение конституционных поправок с целью приведения внутреннего права в соответствие с «*jus cogens*». Здесь, однако, возникает парадокс: можно ли изменить Конституцию, чтобы она не противоречила «*jus cogens*», и что делать, если «*jus cogens*» противоречит положениям, не подлежащим пересмотру? В Германии и Италии, например, существует консенсус в доктрине о том, что базовые положения конституционного строя должны быть интерпретированы в духе универсальных прав и норм международного порядка, включая «*jus cogens*» [\[12\]](#). Однако в государствах с жёсткими механизмами охраны конституционного ядра подобная адаптация оказывается затруднённой. Например, в статье 79(3) Основного закона ФРГ фактически закреплена т.н. «вечная оговорка», делающая невозможным пересмотр основ демократического правового порядка. Возникает необходимость не столько юридического пересмотра текста, сколько динамической интерпретации, ориентированной на ценностное сближение.

Другой механизм адаптации — закрепление приоритета «*jus cogens*» непосредственно в тексте конституции, как это сделано, например, в Конституции Эквадора (статья 424), где прямо указано, что международные договоры о правах человека и «*jus cogens*» имеют приоритет перед внутренними нормами. В Конституции Португалии аналогичная норма содержится в ст. 16, что позволяет судам использовать «*jus cogens*» как источник права

при рассмотрении дел внутренней юрисдикции. Этот путь — путь «встраивания императива» в тело основного закона — нацелен на снятие конфликта между универсальным и национальным, между моральным и позитивным, между внешним и внутренним источником легитимации.

Третий механизм — развитие института институциональных фильтров, позволяющих осуществлять предварительное конституционное рассмотрение не только международных договоров, но и решений международных органов, имеющих обязательную силу. Так, в ряде государств обсуждается возможность введения систематического механизма предварительной конституционной экспертизы решений ЕСПЧ или Суда ЕС, прежде чем они будут имплементированы или учтены в судебной практике. Такая процедура может выступать в роли «обратного фильтра», обеспечивающего защиту национального конституционного строя от чрезмерного экстерриториального давления [\[13\]](#). Однако критики указывают, что чрезмерное увлечение фильтрацией может превратить «*jus cogens*» из инструмента универсализации в объект произвольного исключения.

Таким образом, воздействие «*jus cogens*» на институциональную структуру конституционного государства уже невозможно воспринимать как внешний по отношению к системе фактор. Оно вызывает необходимость переформатирования не только нормативного порядка, но и функционального устройства системы защиты конституции. Конституционные суды превращаются в площадку, где осуществляется не только контроль над законами, но и балансировка между локальной идентичностью и универсальными ценностями. Эта трансформация — не только институциональный кризис, сколько симптом глубинных изменений в понимании суверенитета, легитимности и правового порядка в глобализирующемся мире.

Теоретико-доктринальные основания взаимодействия «*jus cogens*» и национального конституционного права

Теоретико-доктринальный анализ соотношения норм «*jus cogens*» и национального конституционного права требует выхода за пределы традиционного нормативизма, поскольку речь идёт о взаимодействии двух по своей природе неполностью совпадающих систем, каждая из которых претендует на аксиологическое первенство и юридическую целостность. Основной концептуальной точкой, вокруг которой в настоящее время концентрируется научная дискуссия, становится модель так называемой «двойной вершины» (dual apex theory), предполагающая наличие двух равнозначных — но не идентичных — источников высшей юридической легитимации: с одной стороны, это конституция как выражение внутреннего народного суверенитета, с другой — «*jus cogens*» как выражение трансцендентных универсальных норм, восходящих к правовой природе человечества как такового. Данная теория получила развитие в работах таких исследователей, как E.-U. Petersmann [\[14\]](#) и P.-M. Dupuy [\[15\]](#), и представляет собой попытку преодолеть бинарную оппозицию между правовым суверенизмом и правовым космополитизмом через признание плюральной легитимности.

Согласно этой теории, в постсовременном правовом пространстве невозможно определить единственный источник «высшего права»: как конституция, так и «*jus cogens*» обладают чертами юридической верховности, но действуют в разных онтологических плоскостях. Конституция — это выражение воли народа, облечённой в юридическую форму через политический и процедурный процесс; «*jus cogens*» — это продукт глобального консенсуса о недопустимости определённых форм поведения, основанный не на договоре, а на признании всеобщих норм гуманности. Их взаимодействие не подчиняется логике простой иерархии, но требует согласования

ценностных ориентиров, где ни один из элементов не может быть абсолютным. Тем самым правовая система начинает напоминать дуальную конструкцию, в которой не существует окончательной инстанции, способной в одиночку разрешить коллизию.

Из этой конструкции вытекает вторая важная теоретическая дилемма: аксиологическая конкуренция между принципом национального суверенитета и универсальными ценностями «*jus cogens*». На уровне правовой философии речь идёт о столкновении двух парадигм легитимности. Первая — национально-позитивистская, в которой право выводится из политической воли народа, зафиксированной в конституции и институционализированной в рамках демократического процесса. Вторая — универсалистская, в которой право имеет трансграничный характер и основывается на моральной интуиции о всеобщей ценности человеческого достоинства и недопустимости тирании, геноцида, пыток и рабства независимо от национального контекста.

Данная конкуренция становится особенно острой в условиях правового плюрализма, когда международные и национальные суды выносят противоречивые решения, и не существует централизованного арбитра, способного расставить приоритеты. Это проявляется, например, в ситуациях, когда суды признают недействительными положения договоров, ранее прошедших все этапы национальной ратификации, исключительно на основании их несоответствия «*jus cogens*» (см. дело *Saramati* в международной практике по Косово). Возникает вопрос: если *jus cogens* может отменить волю народа, выраженную в конституционном акте, то не подрывает ли это демократический суверенитет? С другой стороны, если конституция может разрешить поведение, нарушающее «*jus cogens*», то можно ли признать такую систему легитимной в глазах международного сообщества?

Частичное решение этой дилеммы предложено в концепции адаптивного конституционализма [\[16\]](#), разрабатываемой на стыке теории многоуровневого права и герменевтики прав человека. Суть данной модели заключается в том, что конституционное право не должно рассматриваться как замкнутая и статичная система, но как живая структура, способная к перманентной адаптации в ответ на внешние и внутренние вызовы, включая воздействие «*jus cogens*». Эта концепция предполагает отказ от идеи закрытого конституционного канона и переход к моделям открытой нормативной системы, в которой базовые принципы не замыкаются на национальной юрисдикции, а вступают в «диалог» с универсалиями международного правопорядка. Такая модель предполагает развитие процедурных механизмов интернализации «*jus cogens*»: расширение полномочий конституционного правосудия, укрепление механизмов конституционного диалога, создание независимых экспертных комиссий по правам человека при парламенте и правительстве, а также инкорпорацию *jus cogens* в текст конституции либо через преамбулу, либо через специальные главы о международных обязательствах.

Примеры адаптивного конституционализма можно найти в ряде современных правопорядков. Так, в Южной Африке Конституционный суд в ряде решений (например, «*S v. Makwanyane*», 1995) интерпретировал конституционные нормы о праве на жизнь и запрете жестокого обращения в свете «*jus cogens*», несмотря на отсутствие прямого упоминания этих категорий в тексте Конституции. В Колумбии практика так называемой «блок-де-конституциональности» позволяет включать в конституционную иерархию нормы международного права, в том числе «*jus cogens*», в качестве источника интерпретации и ограничения для законодательной власти [\[17\]](#). Аналогичные механизмы выстраиваются в Испании и Португалии, где конституционные суды вырабатывают

доктрины интеграции «*jus cogens*» как основы «общеевропейского конституционного порядка».

Таким образом, теоретико-доктринальные основания взаимодействия «*jus cogens*» и конституционного права развиваются в направлении отказа от жесткой иерархии и перехода к моделям аксиологического равновесия. «*Jus cogens*» уже не воспринимается как угроза суверенитету или вмешательство во внутренние дела, а скорее как внешний ориентир, с которым необходимо соотносить внутренние нормы, чтобы сохранить правовую легитимность в глобальном пространстве. Конституция, в этой логике, не столько устанавливает границы допустимого, сколько формирует рамки для согласования внутреннего и универсального, локального и глобального. Такой подход требует не только институциональных усилий, но и переосмысливания самой природы конституционализма — как динамического, гибкого, открытого и способного к самоограничению ради поддержания базовых стандартов человеческой цивилизации.

Юридические последствия взаимодействия норм "*jus cogens*" и национального конституционного права: практическое измерение

Практическое измерение взаимодействия норм «*jus cogens*» и национального конституционного права приобретает всё более существенное значение в условиях глобализации правовых стандартов и усложнения правового взаимодействия между государствами. Эта значимость становится особенно очевидной в повседневной практике правоприменения, где юридическая коллизия между императивными нормами международного права и положениями национального законодательства перестаёт быть абстрактной теорией и становится конкретной проблемой, требующей правового разрешения. Одним из наиболее острых вопросов в этой связи остаётся проблема приоритета в судебной практике: что именно должен учитывать судья при решении дела, затрагивающего фундаментальные права человека, если норма национального права, в том числе даже конституционная, входит в очевидное противоречие с нормой «*jus cogens*»?

Так, в делах, связанных с экстрадицией, применением пыток, международными преступлениями (включая преступления против человечности и геноцид), суды национального уровня всё чаще оказываются перед необходимостью оценивать правомерность применения положений национального законодательства через призму международных императивов. При этом позиция Конституционного Суда ФРГ, выраженная в решении по делу "Görgülü" (BVerfGE 111, 307), демонстрирует, что даже в правопорядках с высоким уровнем защиты национального суверенитета возможна юриспруденция, при которой нормы *jus cogens* воспринимаются не просто как внешние ориентиры, но как часть общей системы правовой ценности, подлежащая уважению на уровне конституционного контроля. В то же время, подход Конституционного Суда Российской Федерации, закреплённый в постановлении от 14 июля 2015 года № 21-П, где утверждается приоритет конституционного строя России над обязательствами по решениям ЕСПЧ, указывает на обратную тенденцию — выстраивание своеобразного «фильтра» национальной идентичности, даже в случаях, когда речь идёт о нормах высшего международного порядка.

Такое расхождение в подходах обусловливает необходимость доктринального и прикладного осмысливания того, каким образом можно и должно учитывать «*jus cogens*» в процессе правотворчества. В условиях трансформации правового пространства и возникновения новых вызовов — от биотехнологических вмешательств до алгоритмического регулирования — перед национальными законодателями встаёт

задача не только не нарушать императивные нормы, но и интегрировать их в общий конституционный дискурс. Это предполагает необходимость предварительной правовой оценки совместимости будущих законопроектов с международными обязательствами в области «*jus cogens*», создание экспертных механизмов оценки соответствия, а также закрепление процедурного требования об обязательной правовой экспертизе соответствующих проектов с точки зрения их соответствия нормам международного публичного права.

В контексте конституционных реформ эта задача приобретает особую остроту. Речь идёт не только о формальной совместимости, но о содержательном восприятии «*jus cogens*» как аксиологической рамки, задающей пределы допустимой конституционной модификации. Например, в проектных инициативах, касающихся изменения принципов судебной независимости, ограничений прав человека, расширения полномочий исполнительной власти, «*jus cogens*» может служить не только предостережением от произвола, но и нормативным «якорем» стабильности, не позволяющим разрушить базовые правовые ориентиры. Следовательно, для правотворца, особенно в переходных и турбулентных правовых системах, становится необходимым не столько механическое воспроизведение международных формул, сколько осознанное их внедрение в ткань национального правопорядка с опорой на соответствующие процедуры легитимации.

Международное значение «*jus cogens*» выходит далеко за рамки профессионального юридического измерения и становится предметом политico-правового и дипломатического взаимодействия. Здесь проявляется двойственный характер «*jus cogens*»: с одной стороны, как инструмент гарантии цивилизованного ядра международного права, выражающего недопустимость рабства, геноцида, агрессивной войны и других преступлений против человечности; с другой — как элемент «мягкой силы», применяемый государствами или международными организациями с целью придания определённой нормативной направленности внутренним правопорядкам. Так, ссылки на нарушение норм «*jus cogens*» становятся аргументами в обосновании международных санкций, разрыва договоров, отказа от сотрудничества. Одновременно, в условиях усиления конкуренции правовых систем, наблюдается тенденция к инструментализации норм «*jus cogens*» как части дискурса «морального превосходства», где международные правовые нормы используются в качестве рычага легитимации односторонних внешнеполитических шагов, претендующих на универсальность.

Такое расширительное понимание функций «*jus cogens*» требует предельной аккуратности и юридической добросовестности, поскольку неосторожное или политически мотивированное применение этих норм может привести к подрыву их авторитета. В этом смысле, как справедливо отмечает М. Е. O'Connell, «*jus cogens*» — это, прежде всего, морально-правовые нормы, явно выделенные как высшие, которые «признают недействительными прямо противоречащие друг другу международные или национальные законы» [\[18\]](#). Так же и D. Shelton определяет «*jus cogens*» как высшие этические нормы, включая не только запрещения преступлений, но и ясные моральные ограничения, применяемые осторожно и обоснованно [\[19\]](#). Только признание их универсального характера всеми участниками международного сообщества позволяет поддерживать их нормативную значимость и обеспечивать реальное действие. Следовательно, необходимо развивать как внутригосударственные, так и международные механизмы защиты целостности и нейтральности «*jus cogens*», не допускающие их политизации и произвольного использования в ущерб конституционному равновесию.

Таким образом, практическое значение «*jus cogens*» в современной юриспруденции и

правотворчество выходит за пределы классического деления на национальное и международное право, формируя пространство пересечения норм, институтов и ценностей. Для обеспечения устойчивости этого пространства требуется не только правовая техника, но и культурная восприимчивость, готовность к диалогу и признание того, что в эпоху глобального правопорядка «*jus cogens*» перестаёт быть только частью международного регулирования и становится фактором, влияющим на внутреннюю легитимность и развитие конституционного строя как такового.

Заключение

В заключение проведённого исследования невозможно не отметить, что концепция «*jus cogens*», некогда воспринимавшаяся преимущественно как сугубо международно-правовая категория, в настоящее время всё в большей степени проявляет себя как системный правовой феномен, оказывающий реальное и глубинное влияние на архитектуру национальных правопорядков, особенно на уровень конституционного регулирования. Нормы императивного характера, благодаря своей универсальности, ненарушенности и морально-правовой очевидности, постепенно проникают в сферы, которые ранее традиционно принадлежали исключительно к юрисдикции национального законодателя и конституционного правотворчества. Этот процесс нельзя считать ни односторонним, ни механическим: он представляет собой сложное, зачастую противоречивое взаимодействие нормативных уровней, включающее элементы диалога, конфликта и адаптации.

Анализ текущих тенденций свидетельствует о том, что «*jus cogens*» не просто претендует на включённость в иерархию правовых норм, но фактически реорганизует её внутреннюю логику. Концепция верховенства конституции, являвшаяся аксиомой для классических моделей конституционного права, всё чаще сталкивается с вызовом, когда именно неконституционные источники (в первую очередь международно-правовые) начинают задавать пределы допустимости законодательных и даже конституционных преобразований [\[20\]](#). Такой подход получил развитие, например, в решениях Верховного суда Канады («*Re Secession of Quebec*», 1998), где подчёркивается примат фундаментальных принципов, включая уважение прав человека, над формальной волей большинства, выраженной в рамках даже корректных конституционных процедур. Похожее стремление к осмыслинию «*jus cogens*» как координаты предельно допустимого в правовой эволюции проявляется и в немецкой, и в испанской, и в южноафриканской судебной доктрине.

В этом смысле, оправданным представляется тезис о возникновении качественно нового слоя нормативности, в котором «*jus cogens*» функционирует не только как юридический предохранитель от произвола, но и как методологическая категория, позволяющая конституционному праву сохранять ценностную преемственность и легитимность в эпоху ускоренных трансформаций. Вместе с тем, внедрение норм «*jus cogens*» в национальные системы не может и не должно быть насилиственным, особенно если речь идёт о государствах с особыми историко-культурными, правовыми и политico-идеологическими традициями. Универсальность не равна унификации — именно в этом заключается тонкая грань между глобальным правопорядком и сохранением государственно-правовой идентичности.

Именно здесь возникает задача построения таких правовых механизмов, которые позволили бы национальным правопорядкам интегрировать нормы «*jus cogens*» не как внешнюю угрозу своему суверенитету, а как часть внутренне признанного правового ландшафта. Это, в частности, предполагает развитие доктрины адаптивного

конституционализма, способной примирить ценности универсализма и суверенного самоопределения. В условиях, когда нормы «*jus cogens*» всё чаще становятся частью практики международных судов, требований международных организаций и аргументации в трансграничных конфликтах, на первый план выходит вопрос о включении соответствующих стандартов в текст национальных конституций либо, по меньшей мере, в толкование их положений органами конституционного контроля.

Следует отметить, что подобный подход влечёт за собой существенную институциональную перестройку — усиление роли конституционных судов как посредников между внутренним и внешним правом, создание консультативных механизмов по предварительной проверке международных соглашений на предмет соответствия «*jus cogens*», развитие парламентского контроля в этой сфере. Все эти элементы могут быть объединены в единую правовую стратегию, направленную не на блокировку международных норм, а на их осознанное, легитимное и юридически выверенное внедрение в национальный контекст. При этом «*jus cogens*» в условиях трансформации глобального права становится не просто нормой, а индикатором зрелости правовой системы и её способности интегрироваться в мировое сообщество без утраты собственной идентичности.

Тем самым, можем утверждать, что перед нами не просто ещё один источник права, а новая правовая координата, влияющая на саму ткань современного конституционного мышления. «*Jus cogens*», обладая качествами аксиологического абсолютного минимума для правового порядка, формирует не только границы допустимого, но и проект возможного — нормативную рамку для развития национального конституционализма в XXI веке. Эта рамка не отменяет конституционного суверенитета, но предельно обостряет вопрос о его пределе, ответственности и соразмерности в условиях полицентричной правовой реальности. Таким образом, «*jus cogens*» превращается в своего рода «конституционную меру мер», по отношению к которой сверяется допустимость любых правовых и политических действий, имеющих последствия для человеческого достоинства и основных прав, независимо от их источника.

Библиография

1. Koskenniemi M. *From Apology to Utopia: The Structure of International Legal Argument*. Cambridge University Press, 2006. 704 р.
2. Исполинов А. С. Нормы *jus cogens* в решениях международных и национальных судов // Российский юридический журнал. 2014. № 6. С. 7-14. EDN: TEKTST
3. Кремнев П. П. Общепризнанные принципы и нормы *jus cogens* и обязательства *erga omnes*: юридическая природа и иерархия в российской правовой системе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2021. Т. 12. № 3. С. 783-802. DOI: 10.21638/spbu14.2021.318 EDN: LRQQZF
4. Ануфриева Л. П. Конституция РФ и международное право: теоретический взгляд на понятия "общепризнанные принципы и нормы международного права" и *jus cogens* // Lex Russica (Русский закон). 2018. № 12 (145). С. 37-47. DOI: 10.17803/1729-5920.2018.145.12.037-047 EDN: YRVHPV
5. Venkatachalam M. M. *Jus Cogens v. State Sovereignty: The Battle of Discriminatory Citizenship Laws* // Harvard International Law Journal. Dec 8. 2023.
6. Sellers P. *Jus Cogens: Redux*. AJIL Unbound. 2022. Vol. 116. P. 281-286. DOI: 10.1017/aju.2022.47 EDN: PJAOLC
7. d'Aspremont J., de Brabandere E. *The Complementary Faces of Legitimacy in International Law: The Legitimacy of Origin and the Legitimacy of Exercise*. Fordham International Law Journal. 2011. Vol. 34. P. 190-235.

8. Капустин А. Я., Бальхаева С. Б. Конституция и международное право: новая модель взаимодействия // Lex Russica (Русский закон). 2022. Т. 75. № 4 (185). С. 117-127. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.185.4.117-127 EDN: VQMQFN
9. Kelsen H. Pure Theory of Law (Reine Rechtslehre). 1960.
10. Krisch N. Beyond Constitutionalism: The Pluralist Structure of Postnational Law. Oxford University Press, 2010. 384 p.
11. Klabbers J., Peters A., Ulfstein G. The Constitutionalization of International Law. Oxford University Press, 2009. 414 p.
12. Talmon S. Jus Cogens after Germany v. Italy: Substantive and Procedural Rules Distinguished. Leiden Journal of International Law. 2012. Vol. 25(4). P. 979-1002.
13. Pivoda M. Constitutional Courts Asking Questions: A Deliberative Potential of Preliminary Reference Mechanism. Cambridge Yearbook of European Legal Studies. 2023. Vol. 25. P. 141-160.
14. Petersmann E.-U. International Economic Law in the 21st Century: Constitutional pluralism and multilevel governance of interdependent public goods. Oxford, Hart Publishing, 2012. 540 p.
15. Dupuy P.-M. Le "jus cogens", les mots et les choses: où en est le droit impératif devant la Cour Internationale de Justice près d'un demi-siècle après sa proclamation? In: Mélanges offerts à Charles Leben: droit international et culture juridique. Paris: Pedone, 2015. P. 77-99.
16. Поярков С. Ю. Адаптивный конституционализм: концептуальные основания и институциональные механизмы в условиях политico-правовой турбулентности // Административное и муниципальное право. 2025. № 3. С. 67-85.
17. Uprimny Y. R. El bloque de constitucionalidad en Colombia. Un análisis jurisprudencial y un ensayo de sistematización doctrinal. Ius Inkari. 2021. Vol. 3(3). P. 115-148.
18. O'Connell M. E. Jus Cogens: International Law's Higher Ethical Norms. In: Childress, III D. E., ed. The Role of Ethics in International Law. ASIL Studies in International Legal Theory. Cambridge University Press, 2011. P. 78-98.
19. Shelton D. Jus Cogens: Elements of International Law. OUP Oxford, 2021. 144 p.
20. Lusted M. Treaties, Peremptory Norms and International Courts: Is the Hierarchy Theory Treading Water? // LSE Law Review. 2020. Vol. 5. P. 209-218.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье являются, как это следует из ее наименования, «*Jus cogens*» и конституционное право. Автор сосредоточил внимание на анализе трансформации иерархии соответствующих норм и институтов в условиях глобального правопорядка. Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования раскрыта: "Методологически данное исследование основывается на синтезе юридической герменевтики, позволяющей интерпретировать тексты конституций и международных актов в их историко-культурном контексте; сравнительно-правового анализа, дающего возможность выявить общие и отличительные черты включения «*jus cogens*» в национальные правопорядки; а также аксиологического подхода, предполагающего рассмотрение правовых норм не только

как формально-юридических предписаний, но и как выражения базовых ценностей правового сообщества. Институциональный подход, в свою очередь, позволяет оценить, каким образом взаимодействуют органы конституционного контроля, законодательные власти и международные судебные инстанции при разрешении коллизий между внутренними и международными нормами".

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им достаточно подробно: "Однако в XXI веке обсуждение «*jus cogens*» всё чаще выходит за пределы классического международно-правового дискурса, становясь предметом внимания и национальных конституционных судов, и правоведов, специализирующихся на публичном праве. Причина этого интереса кроется не только в растущем числе дел, в которых внутренние суды, в том числе конституционные, апеллируют к нормам «*jus cogens*» (например, в делах, касающихся запрещения пыток, рабства, преступлений против человечности), но и в более общем сдвиге в правовом мышлении: от замкнутого, суверенно-иерархического к открытому, взаимосвязанному и аксиологически ориентированному правопорядку. Особенно ярко это проявляется в европейской правовой традиции, где, начиная с рубежа XX-XXI веков, национальные суды всё чаще признают приоритет определённых международных норм даже перед нормами собственной конституции. Примером может служить решение Конституционного совета Франции по делу № 2004-496 DC, где был признан особый статус «*jus cogens*» в контексте международных обязательств Франции. В этом контексте становится очевидной необходимость правового осмыслиения природы «*jus cogens*» с точки зрения не только международного, но и конституционного права. Если «*jus cogens*» действительно представляет собой универсальные императивы, пронизывающие весь правопорядок, то возникает вопрос о пределах национального правотворчества и судебного усмотрения: может ли конституция, выражающая суверенную волю народа, вступать в противоречие с нормами, носящими универсальный характер? Или же, напротив, «*jus cogens*» — это лишь внешняя проекция универсалистской догмы, навязываемая суверенитету в логике глобального правового неоколониализма, как утверждают некоторые критики, в частности, M. Koskenniemi [1]? Эти вопросы нельзя свести к простой юридической технике — они затрагивают основы современной правовой онтологии и требуют обращения к аксиологическим, институциональным и сравнительно-правовым методам"; "Исследование также предполагает анализ направлений трансформации иерархии правовых норм и институтов, вызванной признанием «*jus cogens*» в национальных правопорядках. Уже в настоящее время можно наблюдать сдвиг от классической вертикали, в которой конституция стояла на вершине нормативной пирамиды, к более сложным, гибридным и поликентричным моделям. Так, в доктринальной и судебной практике Германии и Австрии фиксируются попытки рассматривать «*jus cogens*» как компонент конституционного порядка в его материальном измерении — как совокупность фундаментальных ценностей, лежащих в основе не только международного, но и национального права [2]. В российской научной литературе эта проблема получает всё большее внимание, особенно в контексте соотношения Конституции РФ с международными обязательствами в свете изменений, внесённых в Основной закон в 2020 году [3, 4]".

Научная новизна работы "... заключается в попытке переосмыслиения традиционного представления об иерархии правовых норм и институтов через призму «*jus cogens*» как аксиологического маркера глобального правопорядка" и проявляется в ряде заключений автора: "Однако в XXI веке концепт «*jus cogens*» всё более уверенно выходит за пределы международно-договорного контекста, принимая форму компонента транснационального правового порядка. В отличие от классического международного права, сосредоточенного на отношениях между государствами, транснациональное

право охватывает также взаимодействие между государствами, частными субъектами и международными организациями, часто в формах, не укладывающихся в традиционную модель горизонтальной координации суверенов. Именно в этой парадигме «*jus cogens*» начинает функционировать как регулятор не только международных договоров, но и внутренней нормативной и судебной практики"; "Таким образом, юридическая природа «*jus cogens*» трансформируется: от кодифицированной нормы международного договорного права к элементу глобальной правовой инфраструктуры, обладающему не только вертикальной обязательностью, но и горизонтальной нормативной притягательностью. В этом контексте становится актуальным вопрос о степени и формах включения «*jus cogens*» в национальные правовые системы — через доктринальную рецепцию, судебную практику или конституционные интерпретации"; "Таким образом, судебная практика различных государств и наднациональных структур обнаруживает фундаментальные различия в подходах к иерархии норм. Европейский суд по правам человека, в ряде дел — например, «*Al-Adsani v. United Kingdom*», «*Kalogeropoulou et al. v. Greece*» — исходил из признания «*jus cogens*» как основы международного публичного порядка, способной преодолеть даже иммунитет государств. При этом ЕСПЧ оставлял национальным судам пространство усмотрения в интерпретации механизмов имплементации, что порождает амбивалентную правовую ситуацию: формальное признание верховенства «*jus cogens*» соседствует с институциональной зависимостью от национальных фильтров легитимации"; "В итоге формируется новая, еще не устоявшаяся модель нормативной иерархии, где «*jus cogens*» выполняет двойственную функцию: с одной стороны — аксиологического маркера легитимности права, с другой — инструмента давления и трансформации внутренней нормативной логики. В одних юрисдикциях наблюдается тенденция к инкорпорации этих норм в систему внутреннего права с приравниванием их к принципам конституционного строя (например, в Испании, Нидерландах, Южной Африке), в других — к конституционному отторжению и заявлению о приоритете национального суверенитета (например, Россия, Венгрия, Польша). Таким образом, вопрос о том, может ли Конституция ограничивать применение «*jus cogens*», остается не только юридическим, но и глубоко политико-философским, затрагивающим природу права в условиях глобального нормативного многоуровневого порядка"; "Таким образом, воздействие «*jus cogens*» на институциональную структуру конституционного государства уже невозможно воспринимать как внешний по отношению к системе фактор. Оно вызывает необходимость переформатирования не только нормативного порядка, но и функционального устройства системы защиты конституции. Конституционные суды превращаются в площадку, где осуществляется не только контроль над законами, но и балансировка между локальной идентичностью и универсальными ценностями. Эта трансформация — не только институциональный кризис, сколько симптом глубинных изменений в понимании суверенитета, легитимности и правового порядка в глобализирующемся мире" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. Основная часть статьи состоит из нескольких разделов: "Юридическая природа «*jus cogens*»: от международного к транснациональному измерению"; "«*Jus cogens* как фактор трансформации иерархии правовых норм в национальных правопорядках"; "Институциональные последствия воздействия «*jus cogens*» на конституционный правоворядок"; "Теоретико-доктринальные основания взаимодействия «*jus cogens*» и национального конституционного права"; "Практическая значимость и юридические последствия". В

заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено недостатков формального характера.

Так, один из заголовков разделов статьи выглядит следующим образом: "Институциональные последствия воздействия «*jus cogens*» на конституционный правопорядок" - "правопорядок" (опечатка).

Последний заголовок необходимо конкретизировать ("Практическая значимость и юридические последствия"). Если читать только заголовки разделов статьи, неясно, о чём пойдёт речь в данном разделе.

Автор пишет: "Если «*jus cogens*» входит в коллизию с такими нормами, возможно ли конституционное право изолироваться от императивного воздействия глобального правопорядка, или подобная изоляция влечёт утрату легитимности самого конституционного порядка?" - "Если «*jus cogens*» входит в коллизию с такими нормами, МОЖЕТ ли конституционное право изолироваться от императивного воздействия глобального правопорядка, или подобная изоляция влечёт утрату легитимности самого конституционного порядка?" (опечатка).

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются опечатки.

Библиография исследования представлена 20 источниками (монографиями и научными статьями), в том числе на английском языке. С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (M. Koskenniemi, J. d'Aspremont, E. de Brabandere, Г. Кельзен и др.), и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы обоснованы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("В заключение проведённого исследования невозможно не отметить, что концепция «*jus cogens*», некогда воспринимавшаяся преимущественно как сугубо международно-правовая категория, сегодня всё в большей степени проявляет себя как транссистемный правовой феномен, оказывающий реальное и глубинное влияние на архитектуру национальных правопорядков, особенно на уровень конституционного регулирования. Нормы императивного характера, благодаря своей универсальности, ненарушенности и морально-правовой очевидности, постепенно проникают в сферы, которые ранее традиционно принадлежали исключительно к юрисдикции национального законодателя и конституционного правотворчества. Этот процесс нельзя считать ни односторонним, ни механическим: он представляет собой сложное, зачастую противоречивое взаимодействие нормативных уровней, включающее элементы диалога, конфликта и адаптации. Анализ текущих тенденций свидетельствует о том, что «*jus cogens*» не просто претендует на включённость в иерархию правовых норм, но фактически реорганизует её внутреннюю логику. Концепция верховенства конституции, явившаяся аксиомой для классических моделей конституционного права, всё чаще сталкивается с вызовом, когда именно внеконституционные источники (в первую очередь международно-правовые) начинают задавать пределы допустимости законодательных и даже конституционных преобразований [20]. Такой подход получил развитие, например, в решениях Верховного суда Канады («*Re Secession of Quebec*», 1998), где подчёркивается примат фундаментальных принципов, включая уважение прав человека, над формальной волей большинства, выраженной в рамках даже корректных конституционных процедур. Похожее стремление к осмыслению «*jus cogens*» как координаты предельно допустимого

в правовой эволюции проявляется и в немецкой, и в испанской, и в южноафриканской судебной доктрине. В этом смысле, оправданным представляется тезис о возникновении качественно нового слоя нормативности, в котором «*jus cogens*» функционирует не только как юридический предохранитель от произвола, но и как методологическая категория, позволяющая конституционному праву сохранять ценностную преемственность и легитимность в эпоху ускоренных трансформаций. Вместе с тем, внедрение норм «*jus cogens*» в национальные системы не может и не должно быть насилиственным, особенно если речь идёт о государствах с особыми историко-культурными, правовыми и политико-идеологическими традициями. Универсальность не равна унификации — именно в этом заключается тонкая грань между глобальным правопорядком и сохранением государственно-правовой идентичности" и др.), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере международного права, конституционного права при условии ее небольшой доработки: устранении нарушений в оформлении работы.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования. В рецензируемой статье ««*Jus cogens*» и конституционное право: трансформация иерархии норм и институтов в условиях глобального правопорядка» предметом исследования является соотношение норм конституционного и международного права на современном этапе развития права как социального регулятора. Особое внимание автор уделяет значению императивных норм международного права в регулировании общественных отношений.

Методология исследования. Методологический аппарат составили следующие диалектические приемы и способы научного познания: анализ, абстрагирование, индукция, дедукция, гипотеза, аналогия, синтез, типология, классификация, систематизация и обобщение. Отмечается применение современных методов, таких как: теоретико-юридический, формально-логический, сравнительного правоведения и др.

Актуальность исследования. Как правильно отмечает автор статьи, актуальность темы обусловлена, в том числе, тем фактом, что «...становится очевидной необходимость правового осмыслиения природы «*jus cogens*» с точки зрения не только международного, но и конституционного права». Указанные причины подтверждают необходимость доктринальных разработок в данной сфере с целью определения места императивных норм международного права в правовых системах суверенных государств и их конституционного устройства.

Научная новизна. Не подвергая сомнению важность проведенных ранее научных исследований, послуживших теоретической базой для данной работы, тем не менее, можно отметить, что в этой статье также сформулированы заслуживающие внимания положения, которые указывают на значимость этого исследования для юридической

науки. Автор заявляет, что ««*Jus cogens*», обладая качествами аксиологического абсолютного минимума для правового порядка, формирует не только границы допустимого, но и проект возможного — нормативную рамку для развития национального конституционализма в XXI веке. Эта рамка не отменяет конституционного суверенитета, но предельно обостряет вопрос о его пределе, ответственности и соразмерности в условиях полицентричной правовой реальности». В статье содержатся и другие положения, которые можно расценивать как вклад в отечественную юриспруденцию.

Стиль, структура, содержание. Статья по содержанию соответствует своему названию. Автором соблюдены требования к объему материала. В качестве положительной оценки можно отметить, что текст статьи написан научным стилем, использована специальная терминология, в том числе и юридическая (однако некоторые термины, являющиеся дискуссионными, автор уверен испытывает, например, Конституция РФ не имеет официального названия «Основной закон», на это в своих работах обращали внимание ведущие российские конституционалисты - О.Е. Кутафин, Е.И. Козлова, С.М. Шахрай). Предпринята попытка структурировать статью. Так, статья состоит из введения, основной части и заключения. Во введении определена актуальность темы и предмет исследования. В заключении очень детально сформулированы итоги исследования. В основной части представлена аргументированная позиция автора со ссылками на авторитетные мнения ведущих специалистов в данной области научных знаний.

Библиография. Автором использовано достаточное количество доктринальных источников, включая публикации последних лет. Ссылки на имеющиеся научные публикации оформлены с соблюдением требований библиографического ГОСТа.

Апелляция к оппонентам. По спорным вопросам заявленной тематики автор корректно обращается к оппонентам. Все заимствования оформлены ссылками на автора и источник опубликования.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья ««*Jus cogens*» и конституционное право: трансформация иерархии норм и институтов в условиях глобального правопорядка» может быть рекомендована к опубликованию. Статья отвечает тематике журнала «Международное право и международные организации / International Law and International Organizations». Статья написана на актуальную тему и отличается научной новизной. Данная статья может представлять интерес для широкой читательской аудитории, прежде всего, специалистов в области конституционного права, международного права, а также, будет полезна для преподавателей и обучающихся юридических вузов и факультетов.